

Н.А.Громова

ДОСТОЕВСКИЙ

*Документы,
дневники,
письма,
мемуары,
отзывы
литературных
критиков
и философов*

аграф
2000

1855. Зима. <...> Семья Исаевых становится для Достоевского самой близкой в Семипалатинске. По воспоминаниям А.Е. Врангеля, он «пропадал у Исаевых по целым дням». <...>

Летопись, т. 1, с. 205.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – М.Д.ИСАЕВОЙ

4 июня 1855 г., Семипалатинск.

Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр Иванович (*муж М.Д. Исаевой – Н.Г.*) за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а Вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целою эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позволения сказать, ни более ни менее как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. <...> Если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарная свинья, а во-вторых, Вы (сами) больны, раздражены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало... <...> Я вас обоих никогда не забуду и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы. Это надо испытать и только тогда поймешь. Если б вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек.

Достоевский, т. 28 (1), с. 187.

А.Е.ВРАНГЕЛЬ

<...> Особенno часто он (*Достоевский – Н.Г.*) навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам и согласился давать уроки их единственному ребенку – Паше, шустрому мальчику

восьми-девяты лет. Мария Дмитриевна Исаева была, если не ошибаюсь, дочь директора гимназии в Астрахани и вышла там замуж за учителя Исаева. Как он попал в Сибирь — не помню. Исаев был больной, чахоточный и сильно пил. Человек он был тихий и смиренный. Марии Дмитриевне было лет за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя, чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падучая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости.

Воспоминания, т. 1, с. 251–252.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – М.Д.ИСАЕВОЙ

4 июня 1855 г., Семипалатинск.

Я так беспокоюсь. Как-то Вы доехали. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. <...> Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть и от них же сносить гадости! <...> Прощайте, не забвенная Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся, не правда ли? <...> Прощайте, прощайте! неужели не увидимся.

Достоевский, т. 28 (1), с. 189,

A.E.ВРАНГЕЛЬ

Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок. Много лет спустя он напоминает мне об этом в своем письме от 31 марта 1865 года. Да! памятный

это был день. Мы поехали с Федором Михайловичем провожать Исаевых, выехали поздно вечером, чудною майскою ночью; я взял Достоевского в свою линейку. Исаевы поместились в открытую перекладную телегу — купить кибитку у них не было средств. Перед отъездом они заехали ко мне, на дорожку мы выпили шампанского. Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной, я еще у себя здорово накатал шампанским ее женевька. Дорогою, по сибирскому обычаю, повторил, тут уж он был в полном моем распоряжении; немедленно я его забрал в свой экипаж, где он скоро заснул как убитый. Федор Михайлович пересел к Марии Дмитриевне. Дорога была как укатанная, вокруг густой сосновый бор, мягкий лунный свет, воздух был какой-то сладкий и томный. Ехали, ехали... Но пришла пора и расстаться. Обнялись мои голубки, оба утирали глаза, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку; он немедленно же захрапел, по-видимому, не сознавая ни времени, ни места.

Воспоминания, т. 1, с. 253–254.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – А.Е.ВРАНГЕЛЮ

23 августа 1855 г., Семипалатинск.

... Извещаю Вас, что Ал^{ександр} Ив^{анович} Исаев умер (4 августа), что жена его осталась одна, сомнительной помощью, в отчаянии, не зная, что делать, и — конечно, без денег.

Достоевский, т. 28 (1), с. 194.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – М.М.ДОСТОЕВСКОМУ

13–18 января 1856 г., Семипалатинск.

Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал... Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. <...> Жил он жалованьем, состояния не имел,

и потому, лишась места, мало-помалу они впали в ужасную бедность. <...> Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою... <...> Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. <...> В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба. Даже похоронить мужа было нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс<андра> Егор<овича>. <...> С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь была ад. Каждую неделю мы переписываемся.

Достоевский, т. 28 (1), с. 201–202.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – А.Е.ВРАНГЕЛЮ

23 марта 1856 г., Семипалатинск.

Рассудите: она в каждом письме своем и даже в последнем пишет, что любит меня более всего на свете, пишет, что сватающийся человек только расчет с ее стороны, и особенно умоляет меня верить, что это только еще одно предположение. Поймите же и ее положение. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и все нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть ребенок, поколебалась на возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж.

Достоевский, т. 28 (1), с. 217.

1857. Февраля 6. Венчание Достоевского и М.Д.Исаевой.<...>

Летопись, т. 1, с. 233.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ – А.Е.ВРАНГЕЛЮ

9 марта 1857 г., Семипалатинск.

... Свадьба моя, которая свершилась в Кузнецке (6 февраля), и обратный путь до Семипалатинска взяли гораздо более времени, чем я рассчитывал. В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка.)

Достоевский, т. 28 (1), с. 270.